

В. А. Пономаренко

**МЫСЛИ,
ПЕРЕЖИВАНИЯ,
РАЗМЫШЛЕНИЯ
ЧЕЛОВЕКА ЛЕТАЮЩЕГО**

Психологические эссе

Владимир Пономаренко

**Мысли, переживания,
размышления человека
летающего. Психологическое эссе**

«Когито-Центр»

2015

УДК 159.9
ББК 88

Пономаренко В. А.

Мысли, переживания, размышления человека летящего.
Психологическое эссе / В. А. Пономаренко — «Когито-Центр»,
2015

ISBN 978-5-89353-453-5

Книга посвящается ветеранам летчикам-испытателям, заслуженным военным летчикам, участникам семинара в Государственном научно-исследовательском испытательном институте авиакосмической медицины ордена Красной Звезды: генерал-полковнику В. И. Андрееву, генерал-лейтенанту С. А. Микояну, генерал-майору А. С. Бежевцу, полковникам братьям Виталию и Валерию Селивановым, В. Горбунову, В. Смирнову, В. Цувареву, Н. Казаряну, В. Катышеву, В. Овчарову. Глубокая благодарность авторам психолого-душевных эссе А. Гарнаеву, Ю. Жучкову, В. Лебедеву, А. Акименкову, заслуженным деятелям науки, профессорам А. Вороне, Д. Гандеру, Президенту академии МНАПЧАК Р. Макарову, Вице-президенту академии МНАПЧАК И. Кришкевичу.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-89353-453-5

© Пономаренко В. А., 2015

© Когито-Центр, 2015

Содержание

Предисловие	6
Созидательный смысл психологии – в зрелости ронять плоды для других	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Пономаренко
Мысли, переживания, размышления
человека летающего. Психологические эссе

Международная академия проблем человека в авиации и космонавтике
Российская академия образования

Рекомендуется к печати Президиумом Международной академии проблем человека в авиации и космонавтике

Под редакцией заслуженного деятеля науки РФ, академика Российской академии наук и Международной академии проблем человека в авиации и космонавтике *А. Н. Разумова*

© Когито-Центр, 2015

© Пономаренко В. А., 2015

Предисловие

В книге излагаются интересные, оригинальные мысли о летном труде, о жизни в Небе, о переживаниях при испытании новых летательных аппаратов, о методологии и методах профессионального обучения, подготовке молодого поколения. Такие размышления формируют принципиально новые идеи о сущем в человеке летающем, его духовном внутреннем мире, любви к Небу, корпоративности, о проблемах эргономического сопровождения самолетов 5-го поколения. Высказываются правдивые, душевные откровения о роли познавательной деятельности, о своем видении за горизонтом...

Новому поколению будет интересно и полезно ознакомиться с глубокими мыслями, они наверняка его заинтересуют. Приятно гордиться нашими творческими летчиками, есть с кого брать пример целеустремленности к победе!

Часть статей опубликована в книге «Хрестоматия человеческого фактора в авиации через призму безопасности полета» (т. II, М., 2011). Книга издана под редакцией генерал-лейтенанта, начальника службы безопасности полетов авиации Вооруженных Сил России, доктора философии по подготовке С. Д. Байнетова. Часть материала взята из статей, опубликованных в журнале «Вестник» Международной академии проблем человека в авиации и космонавтике (главный редактор В. А. Пономаренко).

Желающие ознакомиться с книгами по проблемам эргономики, психологии летного труда, безопасности полета, психофизиологической подготовки курсантского летного состава могут обращаться по телефонам: +7 (916) 469 37 93; +7 (926) 759 75 91.

Автор обращается к деятельности Государственного научно-исследовательского испытательного института авиакосмической медицины, получившего признание всех авиационных учреждений Европы. Большая часть материалов получена благодаря ветеранам.

Созидательный смысл психологии – в зрелости ронять плоды для других (Слово к читателю)

*Природа – не субъект, но в ней есть субъектное, свободное начало,
внешним выражением которого является человек.*

Э. Ильенков

«Природа созидательна, – писал Д. С. Лихачев, – она создала нас, поэтому мы должны в нашей жизни поддерживать эту созидательную тенденцию».¹

Этот духовный призыв нашел отклик в моей душе, побуждая к осмыслению существа человечности, данной нам в жизненном измерении. Действительно, природа созидательна по определению, так как разумность материи (природы) объективизировалась в созидательном творении человека духовного. Духовность омывалась в волнах религиозного сознания, в котором и порождались знания, значения, страхи. Духовные силы реализовывались в значимости отбираемых ценностей. Отбор ценностей регулировала цель, она же вводила ограничения, по сути «являясь наставником добродетели» (Л. Фейербах).

Однако человек, как биологический вид, как телесная субстанция, демонстрирует в себе продукт высоких технологий программирования. В частности, об этом говорит факт высшей степени *целесообразности* саморегулирующих функций организма не только в актах приспособления, но и в присвоении природных жизнестойких начал. Об этом же говорят внутрисредовые механизмы функционирования телесных проявлений в виде физиологических констант (кислотно-щелочное равновесие, температура, парциальное давление кислорода, метаболизм и пр.), регулируемые автоматизированными программами на уровне мембран, нейронов, рецепторов. Не может не поражать смысловой генез полисистемных взаимодействий защитных и приспособительных реакций как универсум вневременной приспособляемости. Заметим, что все это характерно для доречевого периода. Это ведь знаковое явление, затрагивающее развитие живого на самой что ни на есть низкой организации и обеспечиваемое альтернативным выбором, т. е. свободой, волевым преодолением. Таким образом, природная разумность в такой гипотетической постановке видится нам как низкоэнергетический информационный процесс обеспечения индивидуально-видовых свойств, реализуемых в приспособительном поведении. В этом случае психической единицей поведения выступает познавательная проба, как дар природы «выходить познающему из себя» (П. А. Флоренский). Смысловая целесообразность такой пробы – выбор и оценка опасности, или *удовольствия*. Возможно, эти миллионлетние архетипы «доисторического сознания» дали о себе знать в стойких социальных стереотипах управления людьми по принципу «кнута и пряника», соблазна запретным плодом и пр. Придет время, и именно психологи станут вровень с философами и внесут много нового в исследования природы и структуры сознания, в смыслогенез сознания, в становление культуры и уникальности человека как микрокосмоса, вмещающего в себя мир (И. М. Сеченов, В. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, Б. Ф. Ломов, В. В. Давыдов, В. П. Зинченко, Л. В. Крушинский, А. Н. Леонтьев, В. Ф. Петренко, И. Г. Петров, С. Л. Рубинштейн, В. Д. Шадриков и др.). Труды отечественных психологов и их тяжкий путь познания во многом дезавуировали элегантно-угрюмое положение Дж. Уотсона о том, что психология человека все еще остается комком непроанализированной протоплазмы.

---

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 1999. С. 16.

Помогли нашим философски мыслящим психологам могучие индивидуальности, создавшие свое видение роли духовного, идеального, мифологического, религиозного как причинной связи между природной добродетельностью и человечностью. К этим одаренным, самобытным, независимым провидцам, жившим в советскую эпоху, я отношу М. М. Бахтина, Э. В. Ильенкова, М. К. Мамардашвили, А. А. Ухтомского, В. Небылицина.

Все эти сложные рассуждения представляют намек на то, что природное не просто зарождало психическое, а создало допсихическое сознание, носителем которого выступал образ мира в его целесообразности. Развитие высших форм сознания законсервировало низшие формы, тем самым создав резерв надежности.

Для меня, исследовавшего различные формы диссоциации сознания человека в экстремальных ситуациях, связанных с реальной угрозой жизни, проблема природных основ надежности имела в высшей степени практическое значение. В процессе наших экспериментов мы не раз наблюдали, как в духовных слоях сознания пробуждались антиципирующие поведенческие архетипы.

Моделируя проблемные (аварийные) ситуации с различной степенью определенности информации о событии, мы обнаружили прямую связь между развертыванием профессионально важного качества и генотипом индивида. Фактически получалось, что индивидуальные способности тестируются нужной информационной средой. Это послужило основой для составления индивидуальных программ развития способностей. Мы пришли к этому от практики. Вместе с тем более доказательные данные получила известный психогенетик И. Равич-Щербо, установив, что чем выше генетический контроль, тем более индивидуализирована данная функция. Практически это означает, что биологическая составляющая разумности природы запрограммировала адаптивность к разнообразию среды. В ней уникальные генотипы будут работать чаще. Думаю, естественный отбор летчиков-испытателей этому подтверждение.

Замечу, что в аварийных условиях, когда проецируемая угроза достоинству и жизни «вздыбливает» и смешивает все врожденное и приобретенное, когда инстинкты пробуждают знаковое, символическое, мифологическое предсознание, парализующее помощь знания, продуктивным основанием действий, по данным наших экспериментов в полете, выступают:

– генетический контроль за психическими функциями, ведающими эвристическим мышлением;

– умственный переход с конкретной информационной среды на абстрактный уровень анализа, порождающий так необходимое озарение.

В конечном счете, все это переживается как духовная поддержка. О том, как связывается духовная поддержка с нравственными побуждениями личности, получены косвенные доказательства, объясняющие природу связи человеческой надежности с такими понятиями, как добро и зло.² Проецируя это на историю происхождения разумности, предполагаю, что первым водоразделом между созидательным природным началом в человеке и его собственным разумом стала корысть как антитеза добродетельности, как начало накопления эгоцентристской энергии возвышения индивидуализма. С этого начинается разрушение (зло) себя, точнее созидательной благодати природы в себе. Своим своевольным размышлениям я нахожу поддержку в поэтических переживаниях М. Волошина.³

Когда-то темный и косматый зверь,
Сойдя с ума, очнулся человеком. —
Опаснейший и злейший из зверей
Вспять исследил все звенья мирозданья

---

² В данных работах огромную помощь оказала доктор психологических наук Н. Д. Завалова.

³ *Волошин М. Путиями Каина. СПб., 1922.*

...Преобразил весь мир, но не себя.

В этом фатализме есть стимул для обоснования созидательной роли психологии, т. е. создания научно-конструктивной базы в виде концептуального перехода от объяснительной психологии к психологии созидательной.

Собственно это нам завещали Б. Г. Ананьев, В. М. Бехтерев, С. Г. Геллерштейн, В. П. Мясищев, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн, Г. И. Челпанов, К. К. Платонов, Ф. Д. Горбов и др.

В моем понимании, при нынешнем уровне образованности и информированности создание парадигмального мирозерцания духовной сути человечности вполне доступно *практической психологии*. Вспомним...

«Бог есть не физиологическое или космическое, а психологическое существо» (Л. Фейербах). Именно практическая психология способна в лице ученых-практиков соприкоснуться с душой переживающего (рефлексия, интроспекция, самосознание), производящего (творчество, нравственность, результат) и разрушающего себя человека (бездуховность, агрессия, «отморозки»). Именно эта задача заставит нас вновь вернуться к проблеме развития психического как сущего человеческого. Концепция «Я» себя не исчерпала. Нам подал пример академик В. Д. Шадриков, изложив онтогенез сознания как процесс отражения в себе. По его мнению, рефлексия, интроспекция лежат в основе возникновения человечности.⁴ Труды последних лет академиков К. Абульхановой, В. Зинченко, Д. Шадрикова убеждают в том, что мы слишком много упражнялись в социологизированной риторике, намозолив «измами» язык, забыв при этом о естестве нашем – творческом продолжении создающей природы...

Теория действительно освещает путь практике, но уловить начало процесса устаревания теории, дать импульс к обновлению могут только ОПЫТ И ПРАКТИКА, естественно, при наличии тех, кто сможет аккумулировать опыт и владеет объективным методом познания. Позволю эту бесхитростную претенциозность доказать. Замечу, что собственный жизненный опыт и практическая научная жизнь поддерживали мою последовательность в поисках формирования человечности профессионала. Было много огорчительного, но был и спасательный круг – внедренный, воспринятый, вочеловеченный результат. И не только в монографиях, статьях, кинофильмах, программном продукте, в виде экспертно-консультативных систем, но и как живое знание в летательных аппаратах, в технико-дидактических средствах обеспечения безопасности жизни человека в небе. Пути и методы достижения внедренческого результата исследований в области экспериментальной инженерной психологии, эргономики, профессионального обучения и психологии формирования профессионально важных качеств изложены в моих и Натальи Яковлевны монографиях. Список наших трудов на то время прилагается.

Я же рискнул включить в эссе результаты «умного восприятия» жизни, выстраданные размышления, которые касаются живой этики, духовных начал тех, кто реально овеществил Дух как человеческую и профессиональную надежность. Смею утверждать, что в небе я увидел, как природное высвечивает в человеке высшую целесообразность и как человечность просветляет природное.

Возможно, я самонадеян, но все же верю, что поисковые исследования для ответа на вопросы, что дала и особенно не дала Земля обетованная человеку летающему, что помогло человеку стать и быть небожителем, откуда произросла жизнестойкость, каким образом свобода порождает этические и жизненные смыслы, эстетические и нравственные побуждения, интересны профессиональному психологу. В материалах книги⁵ читателю будут представлены

---

⁴ Шадриков В. Д. Происхождение человечности. М., 1999.

⁵ См.: Созидательная психология. М. – Воронеж: Российская академия образования; Московский психолого-социальный институт, 2000.

результаты исследований созидающей жизни профессионалов как процесса духовного взросления, зарождения психологии действия, психологии вероучительного смысла жизни, психологии Добра. Наверное, сказанное выглядит как лихо закрученная фраза. Сошлюсь на мнение известного психолога К. М. Гуревича, который, прочтя одну из книг «Страна Авиация: черное и белое», заметил: «Эта книга – малая энциклопедия о жизни человека». Для меня это стоит дорогого. У меня, как исследователя, экспериментатора, включенного непосредственно в практику опасной профессии, появилась возможность зримо увидеть высокую Правду формирования смысла жизни и познать психологическое содержание безмолвия, отделяющего жизнь от смерти двумя – тремя секундами...

В последующем это спрессованное временным континуумом сознание раздвигалось переживанием, содержание которого изобиловало не столько эмоциональными, сколько нравственными компонентами, биологическими архетипами в виде конструктов, близких к тем, которые описывал К. Льюис:⁶

- из всех ощущений страха наиболее сильный тот, который порождался воздействием внешнего мира;
- страх перед невидимым и есть страх «священный», т. е. религиозный;
- переживание вины как продукт осознания неисполнения нравственных императивов;
- стыд как состояние рефлексивного сознания, наиболее реально наполняет знанием о себе;
- распределение знаний в соответствии со степенью их важности для данного момента.

Трудно не только описать, но даже устно изложить, как самоосознание врывающейся, растяннутой во времени гибели, по-разному востребует то биологические, то социальные, то духовные резервы психики. Как мощно и предметно наполняются содержанием такие абстрактные понятия, как «мотив», «вектор-цель», «признак», «знак», «знание». Как динамично изменяются, перегруппировываются структуры личности, топология поведения, как проявляется характер. И наконец, можно познать, чем отличается лицо от лика и как натура сохраняет Имя. Все это напрямую не входило в цели эксперимента, все это лилось «сверху», подогревало интерес и просветляло: мы, авиационные психологи, наивно думали, что психофизиологическими исследованиями опишем сущностное в профессионале, парящем над Землей. Сколько раз я вместе со своими подопечными попадал в ситуации, пахнущие риском, с переходом в сумеречную безысходность. И почти не регистрировал, не видел, не слышал панического хрипа, истероидных формант речевых звуков. Что же сохраняло профессионала? Воля? Да. Характер? Да. Знание? Да. Опыт? Да. Но было высшее: судьбоносный выбор профессии летания. В упрятанных уголках сознания летчика предусматривалась гибель. Невероятно, но факт. Предсознательный паттерн вероятности смерти, как аккорд созидания, создает условия для спокойного и решительного противодействия аварийным ситуациям, которым не дано право лишить его своего Неба. Так зарождается символичность веры в себя как носителя благой вести для оставшихся и ждущих его на Земле.

Для прояснения этой слишком мистической посылки приведу взгляд летчика-исследователя, полковника А. Г. Зизико на эту проблему:

«Из летного опыта я вывел объективно существующий закон летной жизни – это потребность постоянного преодоления самого себя, самосовершенствования. Ты просто должен, просто не можешь не стремиться поднимать всего себя на все большую Высоту. Происходит осознание самого себя, все большее понимание Высокого. Наверное, можно сказать наступает „эффект самоочищения среды“. В результате происходит какое-то Единение на пути к Высокому. Законы летной среды (особо это касается летчиков-истребителей)

---

⁶ Льюис К. Любовь. Страдание. Надежда. М., 1992.

заставляют плохое уходить из индивида, злое, а взамен все больше культивировать, вырабатывать хорошее, осознанно доброе. Летное дело чистило наше нутро.

*Вот где зарождается **готовое, наперед уже принятое решение** (выделено мною. – В. П.) ценой своей жизни спасти людей от падающего вместе с тобой твоего самолета – отвернуть, повернуть, дотянуть».*

Ах, как глубоки профессионалы!

Постепенно ко мне приходило особое понимание интеллектуализации духа летного труда.

Я заблуждался, думая, что одинок и не буду понят профессионалами. И вдруг...

«Ваша книга „Психология духовности профессионала“ есть та философия, которая важна и злободневна именно сейчас. Психология духовности – новое понятие. Но именно она может в большей степени помочь понять, что с нами происходит, каковы истоки и причины искривления человеческой сознательности и общественного сознания. В своей книге Вы одновременно показываете необходимость и возрождения, и развития духа людей, народа. И в этом не меньшая значимость книги, как исследования и методологии понимания духовности человека вообще» (В. И. Андреев, генерал-полковник авиации, командующий авиацией ПВО).

К сожалению, только тридцать лет спустя, как практик, я стал понимать, что сущностное содержание психологии жизни в небе возможно раскрыть путем исследования не деятельности как таковой, а смысловых конструктов переживаний. Переживания, согласно взглядам Выготского, могут быть использованы для изучения сознания в контексте отношений личности и среды. Первые попытки проникнуть через откровения в мозаику переживаний дали положительный результат – информацию к объективно составленной профессиограмме летного труда.

Оказалось, что жизнь в небе заполнена не только прагматикой результата труда, но и высшими чувствами сопричастия к вечности, бесконечности, осмысления места своего «Я» во Вселенной. По мнению С. Кьеркегора, человеку дано переживание вечности, чтобы он осознал, что является духом. Рефлективные слои сознания кратковременно наполняются символическими видениями красот Вселенной, чувством неземной раскрепощенности, свободы парения в пространстве. В полете возникали состояния эйдетического восприятия атмосферных красочных видов рассвета, наступления ночи, цветовых гамм горизонта и т. д. Интересно появление ассоциаций со сказками, с ощущением выхода из себя, из национального менталитета, как бы становление человеком Земли. Все необычные состояния сознания сопровождались приливом добродетельности.

«Из необычного в полете отмечу, когда смотришь на Землю с высоты, почему-то наплывают теплые мысли (обычно это сопровождается приливом тепла), что там внизу живут своей жизнью добрые люди. Ни разу в голову не приходила мысль, что там внизу еще есть и прохвосты. Наверное, небо облагораживает» (военный летчик В. П. Селиванов, командир дивизии стратегических бомбардировщиков).

А ведь человек в небе может принять и ницшеанскую установку: *«Вы смотрите вверх, когда жаждете возвышения, а я смотрю вниз, потому что я возвышен».*

Так, постепенно стала пугливо посещать мысль о благодатности архетипов религиозного сознания, которое, кстати, не исключает отношения человека к человеку как Богу. Речь идет о духовных переживаниях, которые могут брать истоки из сказок. Как известно, русские сказки *«всегда проникнуты родной религией и философией этой религии. Самобытность духовной жизни испытывает влияние духовного опыта человечества»*.⁷

Продвижение в изучении переживаний выявило: жизнетворчество человека летающего духовно освещено особым пониманием истины, красоты, правды. Истина представлена как

---

⁷ Ермолаева М. В. Восприятие и переживание сказки – путь от смысла житейского к смыслу жизненному // Мир психологии. 1998. № 3. С. 56.

познание Идеала, того, что не может быть рукотворным, зовущим к самосовершенствованию, без чего невозможно понять смысл и предназначение совести.

Для человека в небе правда – это всегда второе «Я». Оценка его индивидуальности, готовности к познанию себя, того, чего ты действительно стоишь. Другими словами, происходит активная субъективная интериоризация событий, связанных с самооценкой профессиональной деятельности. В данном случае я следую за мыслью В. П. Зинченко:

«Интериоризация – не мир, а его содержание, выраженное в чувствах, образах. Интериоризация – это акт онтологический, жизненный, реальный».⁸

Сказочные красоты неба размыывают профессионально-процедурную приземленность, осязаемо формируют высшее духовное творческое качество – свободу, свободу выбора индивидуального, своего смысла полета. Именно эстетические чувства, воображение, переживания красот вселенной способствуют созданию своего мира чувств, своих жизненных смыслов. Все мои практические догадки оказались близки теоретическим изысканиям проблем духовного «Я» в психологии субъекта. Читатель найдет практическое подтверждение мыслям-озарениям о том, что *«стремление к самоосознанию Идеала проявляется с особой силой тогда, когда реальность приходит с ним в полное противоречие»* (К. Абульханова).

В соответствующих разделах книги⁹ будут изложены результаты психологических исследований формирования концепции духовности профессионала как высшей формы надежности, самодостаточности, востребованности, необходимости быть интересным другим, будут затронуты вопросы религиозного сознания, отражающего смысл бытия в небе.

По молодости я был счастлив, так как был опьянен жизнью и не замечал обмана. Затем стал наблюдать и ощущать много несправедливого вокруг себя и одновременно был согрет добром, милосердием и состраданием. Позднее, когда я работал в летных коллективах, мне удалось слиться с душами многих летчиков. И я почувствовал, как много достоинства в них сокрыто. Из-за недопонимания их трудностей порой возникает неуважение к летному труду. Так появилась цель, суть которой сводилась к тому, чтобы разработать метод, позволяющий раскрыть секрет профессиональной надежности летчика. Из всего этого родилась моя работа по созданию теоретико-практических основ моделирования аварийных ситуаций на земле и в полете, где системно изучалось поведение человека на биологическом, физиологическом и психосоциальном уровнях. Обобщая, можно сказать: толкнули меня к этой работе любовь к человеку, научные пробелы в исследованиях психологической сути опасных профессий, жажда борьбы с невежеством и с несправедливым отношением к летному составу. Должен заметить, что даже с помощью науки трудно и небезопасно отстаивать правду, тем более истину, которую другие не видят или, того хуже, в которую не верят с рождения.

Не могу не привести умнейшую мысль Альберта Швейцера: «Все больше и больше проникаясь скептицизмом, наша духовная жизнь прогнивает. Поэтому мы живем в мире, который полон лжи».¹⁰

Приведу высказывание человека, которому я обязан отправкой меня в Москву на учебу в аспирантуру в тот период, когда меня выслали на Курилы:

«Володя, кто бы мог подумать, что из полкового врача, гонимого вездесущими политработниками, считавшегося первым злодеем, выйдет толк. Ведь то, что Вы говорили, стало гласным и признанным только через 30–40 лет» (полковник М. И. Воронин, военный летчик, участник Великой Отечественной войны).

---

⁸ Зинченко В. П. Мир психологии. 1999. № 1. С. 101.

⁹ См.: Созидательная психология. М. – Воронеж: Российская академия образования; Московский психолого-социальный институт, 2000.

¹⁰ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. С. 25.

Да, действительно, прошло 40 лет, но, когда появилась книга «Страна Авиация», да еще изданная в издательстве «Наука», страх от прочитанной правды еще не покинул интеллигенцию.

«В принципе эта книга не должна была выйти – время не то, тема не та, да и, вообще, кому сейчас нужен рассказ о том, как готовили летчиков ВВС... содержание книги десять лет назад было просто немыслимо в устах администратора, ученого, генерала, коммуниста. Но он сделал почти невозможное. Книга „Авиация: черное и белое“ – это явление. Это духовный катехизис на столе у читателя» (член Союза писателей, генерал А. К. Сулянов, летчик-инструктор).

Понятно, хотя и горько: жизнь прожить можно, а книгу про это ни-ни...

Да... Что говорить, собратья по небу, писатели-летчики поддержали меня высоким словом.

«„Страна Авиация: черное и белое“ – произведение вне привычного понятия жанра, оно неожиданно, как его создатель. Это скорее всего отражение потока сознания ученого и летчика, пытающегося сказать читателю если не всю правду (такое невозможно) о нашем авиационном существовании, то только правду».

Эта работа для всех. Наверное, Пономаренко – единственный генерал ВВС, который с такой чуткостью и так честно переживает за пилота, человека летающего. Подобное встречать мне случалось, может быть, раз или два в жизни» (член Союза писателей, летчик-испытатель А. М. Маркуша).

Я привожу эти выдержки, ей-ей, не для похвальбы, ибо я для этих людей всего лишь подсмотревший их духовное начало. За это не хвалят. Видимо, меня простили как психолога. Это тоже дорогого стоит.

Всмаатриваясь, вживаясь, исследуя и принимая чужую жизнь, я по-настоящему учился. Учась у жизни, познавал мудрость Л. Н. Толстого:

«Наука, учение есть не что иное, как усвоение того, что думали до нас умные люди».

Этими умными людьми порой выступали новые факты, явления, дерзкие мысли о единстве своего разума с высшим. Отсюда и наплывало наваждение, что небо нам, людям, дано в целеполагании разгадки тайны Духа с намерением приобщения людей к Разуму для более глубокого и радостного общения с Вселенной. Первыми счастливыми, приблизившимися к мгновениям духовного откровения именно в небе, стали те, кто поднялся над Землей, те, кто действительно *летает*, становясь плотью, мыслью, духом того Пространства, которое для многих – *ничто*, пустота. Разве это не духовное счастье, которое предвидел К. Циолковский, когда полет дает возможность *быть* способным к наполнению пустоты и бесконечности своей созидательной энергией, полем жизни и смыслом бытия. Но, чтобы это действительно осмыслить, одухотворить, родить душу, наконец, необходима Святая любовь к полету как к источнику развития смысла жизни. Конечно, это образ еще несобранного потока сознания. Хотя и теоретики пришли к выводу о том, что *«субъект, по определению, является существом духовным... стремящимся к достижению определенных идеалов»* (В. Знаков).

В представленных результатах исследований жизни летчиков читатель найдет для себя познавательное в области формирования духовного пространства летчика. Узнает новые подходы к тому, как сохранить летное долголетие и профессиональное здоровье, поддержать летный профессионализм. Ознакомится с уникальными экспериментальными исследованиями надежности летных экипажей в полете в процессе наиболее сложных отказов техники и оборудования. Мне повезло быть непосредственным участником сложнейших летных испытаний в воздухе техники и агрегатов. Я познавал телесное, душевное и Духовное состояние человека на пределах его психофизиологических возможностей как с помощью проницательного наблюдения, так и с помощью самых совершенных приборов. Это позволило создать в практической психологии новую парадигму человечности профессионала вне земли. Имея опыт педагогиче-

ского общения с летчиками более 20 стран, летающими на F-16, F-15, F-18, которым я читал лекции в Институте психофизиологической подготовки (США, штат Филадельфия, г. Саутгемптон), общаясь с летчиками боевых частей, силами быстрого реагирования, инструкторами летных училищ, высшими руководителями ВВС и ВМФ США, беседуя с ветеранами авиации, сотрудниками Музея авиации и космонавтики в Вашингтоне, хочу констатировать, что между всеми очень много общего в плане человечности.

Упорно и мучительно думая над тем, что именно сближает летчиков разных социальных культур и прагматических ценностей, все же прихожу к выводу: за этим стоит сближение психологического и религиозного понимания Духа человека на планете Земля.

С позиции созидательной психологии высшее, что есть в человеке, *представлено его переживанием смысла и предназначения жизни*. В чувстве, соотношенном с Идеалом, Верой, Образом, человек воспроизводит свой душевный энергетический потенциал добра, внутренние потенции совести, ощущает духовное родство и правдивость с тем, к чему идет всю свою жизнь. И все это скрыто от окружающих.

К сожалению, предметный ум вне духовного ореола не порождает высших добродетельных деяний. Ум – это дар добра, если оно погружено в духовное вместилище.

«Правдивость, – утверждал Швейцер, – есть фундамент духовной жизни. Наше поколение, недооценив мышление, утратило вкус к правде, а с ним вместе и истину».

Действующий профессионал живет в мире многих общепризнанных физических и социальных истин. Они выступают для него в качестве опорных пространств познания и созидания. Но суждения лишь по практическим делам не всегда истинно раскрывают тонкий мир человека. Необходимо познать процесс духовной переплавки внешней среды жизни во внутренний мир человека.

Именно этот дар познания сближает профессионализм психолога со служителями церкви. И те, и другие познают и помогают заполнить душу добрым духом, оберегают его от опасности соблазна злом. Идеальность, идея, идеал – это не облако, а зов к вершине, причем собственной. Объективная сила естественных наук в том, что она способствует познанию законов причинности явлений в их взаимосвязи, отвечая на вопрос, не что сделал человек, а почему он это сделал и почему будет поступать так и не иначе. Специалисты в области психологии душевной жизни, т. е. Добра, формируют духовный иммунитет к сквернам бытия, раскрывают опасности, дремлющие в глубинных слоях сознания. Дух есть нечто, что каждый из нас переживает в своем опыте, поэтому это не мистическая, а подлинная реальность, придающая жизни высший смысл и освящающая ее против зла. С позиции идеального, т. е. переживающего, дух создает специфическую область мировоззрения, мировоззрение создает Идеал, Идеал порождает Веру, Вера формирует убеждения, убеждения обеспечивают дела. Таким образом, в этой логической цепочке Идеал – это акме (вершина). Идеал без веры в него – ничто. Идти к идеалу можно только с помощью веры. Вера – это убежденность в том, подлинную истинность чего не в состоянии удостоверить. В религиозном сознании Вера – это бескорыстное почитание высшего Священного начала, определившего сущее в человеке как любовь к Создателю, как достойное служение «образу и подобию».

В жизни знание выступает как осмысленное переживание себя в этой жизни, особенно смысла и предназначения. Из этого складывается мыслящее мировоззрение, которое и формирует личность. Объединительным началом и в светском, и в религиозном мировоззрении является познание или признание идеи потока добродетельности от Высшего Начала. Пора это признать всем.

И дело здесь не в мифологическом уходе от реальной предметной жизни. Вся наша жизнь для кого-то миф. А наши надежды? Как часто они мифологичны! Так что, миф – это предметный пульсар надежды. И не стоит к нему проявлять пустое, без меры атеистическое высокомерие.

Почему идея Добра так исторична и актуальна? Дело в том, что в мире много неразделенного горя, общих бед и лично направленной несправедливости. Обилие лжи и зла, как свойство социального бытия человека, привело в XX веке к неискупленному и непрощенному греху, который стал знаком беды человечества. Тем более что насильственно привитый атеизм не создал ситуацию веры в духовный Идеал. Отсюда и живучесть принципа «все возвращается на круги своя», который выразился в появлении потребности вновь обратить взор к Небу, проникнуть в тайны добродетельности, определяющей *духовное единение* землян.

Язык, знаки, символы, ритуалы, религиозные привычки создали условия для понимания и общения племен и народов. Но остался один зияющий провал – непонимание друг друга в духе. Не достигнуты вершины Вселенского Сознания. Все это наводит на мысль, что Человек лишь *на время приземлен и Путь его не окончен*.

По мысли физиков, в мироздании есть две реальности – вещество и Поле (А. Эйнштейн). Но для человека они преобразуются в информацию и дух. В этом случае человеческая жизнь – *это некое материальное преобразование информации в живое вещество*. Думается, что проявление Духа в материи и есть сущее свойство жизни. Из этих допущений рискнем сделать более высокое обобщение: *связь энергии космоса с полем живого вещества человека осуществляется через духовность*. Доказать это можно лишь при условии открытия психического вещества.

В человеке кроме энергетического поля, *благодаря приему космической энергии*, существует поле духовное. Возникает вопрос: зачем человеку понадобилось духовное поле параллельно сознанию как высшей форме существования материи? Выскажу лишь общие посылки, так как твердых доказательств в руках не держу.

Человек на земле, и как физическое вещество, и как биологическое, и как социальное, в своей активной природосообразности проявил себя в виде эволюционной способности к выживанию. Сам процесс выживания не идентичен созиданию, так как, с позиции Духа, опирался не на самые лучшие свойства человека: агрессию, гедонизм, лукавство, вероломство, насилие, конформизм, мимикрию и пр. (Д. Колесов). Биосфера отбирала «приспособленцев». Генетически живое вещество адаптировалось к природе не только через страх, но и через удовольствие, наслаждение, а затем лишь через опасность. Поэтому теория о том, что выживали сильные, требует уточнения: выживали чувственные, обласканные природой. Именно в чувственности по неустановленным причинам произошло нарушение гармоничной связи между чувственным и природным в человеке. В результате разум приобретает новое свойство «бесчувственности», и соответственно развитие процесса выживания на более высоком общественном уровне приобрело новый вектор в виде насилия, а затем и власти. Подобное суждение имеет некое основание, так как общественно-экономические формации изменяются, материальный быт растет, а культ власти и насилия крепчает. И вместе с тем история развития человечества свидетельствует: механизму природно обусловленного насилия в целях выживания всегда противостояло Сущее в человеке! Сущее в духовном поле человека – это силовые векторы, которые несут любовь, сострадание, добродетель и совесть. Духовность в моем понимании – это способность человека трансформировать добродетельную данность на других людей с целью дальнейшего развития вселенской любви, добра и саморазвития. Вот почему мое «Я», хорошее или плохое, есть также «Я» других людей. В этом всеобщность добра и зла. Отсюда и фундаментальность духовного поля, проявляющегося «в связности людей в добре и зле» (И. Ильин). Надо полагать, что как в природе вообще существует непрерывное термодинамическое *неравновесие*, так и в природе человека заложено нравственное неравновесие. Вот где надо искать «Божью детерминанту» появления Духа как высшего буфера в случае, когда духовное поле теряет динамическое равновесие и выходит за пределы «духовных законностей» в область зла.

По-настоящему свое второе «Я» человек «обеляет» на пути к слиянию с возвышенным. В этой связи я попытался найти некоторые примеры из жизни летающего человека, т. е. кос-

монавта и летчика, подтверждающие мою гипотезу о том, что дух земного человека, особенно в полете, нуждается в большей космической (небесной) поддержке.

Для человека летающего Небо всегда было, есть и будет любовь и Дух. Не следует упорствовать в убеждении, что Дух – это обязательно что-то не от мира сего. Человеческий дух – это реальный опыт возвышенного психического состояния, возникающего не столько в результате действия, *сколько в процессе достижения смысла своей деятельности*. Само понятие «смысл» включает в себя цель в ее духовном смысле.

У летчика и космонавта, в отличие от птиц, в основе желания к полету всегда духовная потребность познать себя, свое «Я». Таким образом, познать себя – это и есть духовная работа, а человек летающий, стало быть, является носителем духа! Высшее предназначение Духа – вести человека к Истине путем развития в нем сущностных сил. Для человека летающего высший смысл не только в «небесном» труде, но и в самом процессе летания. Человек есть субъект, объектом которого является вся вселенная (О. Вейнигер). Ибо летание в Небе открывает человеку Земли святость данной ему свободы. Каждый летчик и космонавт знает, что полет, как возможность соприкосновения с Вселенной, заполняет душу такими чувствами, как страсть и эстетическое наслаждение творением Всевышнего. Полет способствует тому, чтобы раскрыть себя, развить, размыслить свое «Я» и, наконец, выйти из своей телесной оболочки да погулять чуточку на воле... Скорость, пространство, дыхание гравитации, ощущение своей причастности к Вселенной, переживание своего нового «Я», более свободного, вольного – все это и есть новый мир пространства Духа, с помощью которого человек в полете познает Сущее.

Отсюда понятен мотив ответов летчиков на вопрос: «Чем Вас заговорило Небо?»:

- полет вытеснял из меня все мелкое и всегда напоминал, чего я стою;
- чувством сплоченности, слитности с небом, с вечностью;
- чувством отрешенности от мирской суеты;
- возможностью жить в другом измерении;
- новым ощущением, пониманием смысла, которое нельзя получить на Земле;
- полет помогает осмыслить величие души. Да, душу человеческую умом не понять.

Когда летчик или космонавт в рискованной ситуации усилием воли побеждает страх и ликвидирует угрозу для жизни, его духовное поле на мгновение наполняется далеко не гордыней. Дух является как очищение от гордыни, в виде откровения: «переоценил себя». Опасность, как угроза жизни, в сжатые мгновения центрирует человека на смысловом переживании: кто ты на самом деле. Это и есть духовный процесс очищения от самодовольства, осознание вины за расширение рамок своих возможностей. Таким образом, дух космонавта, летчика есть реальность, представленная в его жизненном и профессиональном опыте.

Представленный сгусток моего опыта наблюдений близок многим мыслям философа С. Кьеркегора.

*«Человек есть дух, но что такое дух? Это Я – отношение к себе... И это отношение есть дух, в нем заключена ответственность...».*¹¹

Психологи в XXI веке обязаны создать новое научное направление в виде образа Духа человеческого как источника для поддержания духовных ценностей. Ибо полагаю, что дух – это жизненная сила, но не для власти над другими. Дух – это характер, но не для повелевания, а для примирения своего «Я» с добродетелью. Духовная ценность человека поддерживается состоянием веры в другого человека. Но для этого надо владеть особым языком сознания, с помощью которого можно общаться с другой праведной душой, черпая из нее Красоту и Истину в согласии с Провидением.

Из всего сказанного я делаю дерзкий вывод: *сообщество летающих людей духовно ближе к пониманию того, что человек не властен над собой, а стало быть, не может быть властен*

¹¹ Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.

над подобными себе. Люди, непосредственно соприкоснувшись с Космосом, к сожалению, утаивают, что отчетливо ощутили смысл и жизнь Духа в себе, в своем втором «Я». Человек летающий в качестве средства достижения высших целей предлагает любовь и жизнелюбие.

В полете появляются необычные чувства, которых человек не испытывает на Земле. Перечислю некоторые из них, на которые указывали летчики:

- в полете появляется ощущение, что паришь над обыденностью, возвышаешься душой, ты в прямом контакте с небом, ты часть этого бесконечного пространства;
- состояния были, я бы обозначил их как «легкость души»;
- в полете, в отличие от земной жизни, появляется чувство свободы;
- появляется необычное просветление сознания, четкость мышления, каких на земле не испытывал;
- было несовпадение с истинным временем;
- в воздухе из-за кислородного голодания я потерял сознание, в этот же миг за 150 км от меня другой летчик в воздухе ощутил, что со мной беда; я очнулся.

Самый большой порок в человеке – это гордыня. Человек в полете умирят и ее, исповедуя нравственный императив: чем выше мы поднимаемся над людьми, тем меньше мы им кажемся. Вот еще один пример святости полета: возвращаясь с Неба, обогащая Духом Землян. Конечно, далеко не все летающие достойны этой святости: как говорится, у каждого свое поле, свой знак и свой сорняк. Но нам, землянам, надо более продуктивно использовать космические полеты в целях исследования психического поля личности человека как носителя планетарного сознания, как энергетического резервуара космической энергии в интересах поддержания потенциала Духа разумности. В этой связи в научные программы космических полетов следует включать не только вопросы физиологического выживания и способности к работе в условиях невесомости, но и более широкие проблемы, определяющие физическую суть энергетической «подкачки» культуры живой планеты Земля.

В космосе – ключ к открытию психического кода (вещества), который был по неизвестным причинам утрачен, и нам досталась лишь частичка витальных, репродуктивных и эгоистических потребностей. Не менее важна роль Космоса в формировании нового планетарного сознания, новых теорий о происхождении психического.

Хотел бы напомнить, что еще в 1929 г. П. А. Флоренский в своем письме к В. И. Вернадскому сообщал: *«...хочу высказать мысль, представляющую скорее эвристическое начало. Это мысль о существовании в биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т. е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот Духа. Это заставляет подозревать существование и особой сферы вещества в Космосе»*.¹²

Это предвидение не только духовного лица, но и естествоиспытателя. Не менее интересен и ответ В. И. Вернадского: *«...в научное мировоззрение должны войти явления жизни, и, может быть, мы подойдем к ослаблению противоречия, которое наблюдается между научным представлением о Космосе и философском или религиозном его постижении. Ведь сейчас все дорогое для человечества не находит в нем – в научном образе Космоса – места»*.

Я прихожу к мысли, что познание духовного, как системы преобразования Высших потоков Разума в земной эквивалент веры, может стать научной базой для разработки геополитической идеи безопасности жизни на планете Земля. Для этого необходимо знаковое объединение религиозного и научного сознания. *Для этого люди должны отказаться от утверждения превосходства говорящего над неговорящим.*

Уместно помнить, что возникновение жизни не случайно: за этим стоит взлет духа (Т. Шарден). Общий гуманитарный смысл всего сказанного очень прост: между верующим и неве-

---

¹² Переписка В. И. Вернадского и Л. А. Флоренского // Новый мир. 1989. № 2. С. 198–199.

рующими вполне возможно наводить мосты, построенные не столько на доказательствах «про и контра», сколько на принятии святости мысли: сохраняйте источник жизни в Духе, Вас породившем.

Наблюдения, раздумья и сомнения, прочувствованные и выстраданные, помогут выработать психологическую установку на профессию как на особый духовный источник добра и добродетелей.

В межпрофессиональных общностях, как столпах общенационального благополучия и духовного общения, люди легче приемлют и понимают друг друга *в разномыслии и свободе выбора*. В качестве доказательства справедливости высказанных суждений в книге¹³ представляю данные анализа результатов экспериментальных психологических, физиологических и социальных исследований жизнедеятельности человека, избравшего для себя опасную профессию. В опасной профессии почти исключена возможность проявления лукавства и мимикрии, так как за ложь неотвратимо придется заплатить жизнью. Имея личный опыт работы в подобных профессиях, хотел бы привлечь внимание читателя к некоторым результатам профессиональных исследований в области психофизиологических основ надежности человеческой психики во «внечеловеческих» условиях. Речь идет о поиске космогонических резервов добродетельности. На примере профессии «небожителей» (летчики, космонавты) предлагаю заглянуть во внутренний мир профессионала, в его душу, которая не позволяет ему творить зло, так как не позволяет братья не за свое дело. В книге, которая посвящена этой проблеме, сделана попытка представить своеобразную онтологию духовных напряжений развивающейся и действующей личности профессионала. Особое внимание в ней уделено образованию и воспитанию как среде, культивирующей дух добра.

Профессия человека летающего мне дорога как материнская любовь, которая сделала мою жизнь служением ему, наполнив ее смыслом, радостью бескорыстного творческого труда.

Конечно, как исследователь, как человек, поживший взахлеб, для которого научная работа и была единственной жизнью, как врач и психолог, я больше всего обеспокоен вопросом: а поняли ли тебя? Мне повезло: меня поняли родственные души.

«Никогда я не испытывал такой потребности немедленно выразить автору такой жизненно необходимой книги „Страна Авиация: черное и белое“ благодарность. Я много прочел книг об авиации, но никогда не встречал человека, который так всеобъемлюще, с такими интимными оттенками, с таким глубоким знанием истоков, смог познать, понять и описать душу летчика, заглянуть в такие уголки, куда не каждый близкий друг входит. Как мне все это близко, дорого и понятно. Сколько лет меня все это мучило, искало выхода, поддержки, просто понимания: не сделать даже простого летчика с помощью „обезьяньих“ навыков, нужна душа и полная самоотдача» (Летчик В. С. Бутузов).

«Я прочла Вашу книгу, и она произвела на меня впечатление, как книга Макаренко „Педагогическая поэма“. Я долго искала это направление, пройдя через самопознание, обретя тем самым Дух и Свободу. Меня восхитило то, что я впервые увидела то, как ученый человек пишет слово Бог и Душа с большой буквы. Если ранее некоторые ориентиры в моем развитии были несколько расплывчаты и я шла почти вслепую, то после прочтения Вашей книги передо мной как будто зажгли свет и раздвинули горизонты, ощущение было такое, словно на меня повеяло сильным и светлым потоком энергии, как от живительного источника. Я благодарна Вам за Вашу книгу» (Е. Богдановская, учитель, с. Верховолжье Вологодской области).

«Это новое слово психолога о духовности как высшей стадии профессионализма» (Б. А. Сосновский, профессор).

---

¹³ В книгу «Созидательная психология» вошли главы из книг: «Страна Авиация: черное и белое». М., 1995; Психология духовности профессионала. М., 1997; Авиация. Человек. Дух. М., 1998: избранные статьи.

Не я заслужил эти слова. Это они, мои родные небожители, дали основания к этим чувствам читателей. А мне достаточно одного: оправдать доверие психологии авиационной, чье предназначение быть ответственным за тех, кто в небе.

Ответственность самих профессионалов реализуется нравственно-духовной культурой, мотивом совершенствования себя как источника надежды для других. Все, что написано в этой книге, – это опыт. Опыт, аккумулированный духовным потенциалом конструкторов авиационной техники, летчиков-испытателей, строевых и линейных пилотов, ученых, авиационных врачей и психологов. Это сорокалетний драматический роман с авиацией. Я рискнул создать новую философию авиации, новое мыслящее мировоззрение, которое закрепило за человеком летающим понятие элитарности. Элитарность экипажей означает, что авиационный комплекс представляет высокий уровень технологии и наукоемкости, требующий для своей эксплуатации высокой культуры, мощного интеллекта, выраженных летных способностей, крепкого психического и физического здоровья. К сожалению, сегодня многим из круга «сильных мира сего» это неясно или они просто не хотят принять существо и таинство техники, а конкретно того, что *она требует более высокого качества жизни, этического наполнения смысла предназначения авиатора*. Небо, Космос требуют от профессионала человечности, умственной одаренности, света духовного и чистой совести. Да, это идеал, но он рожден нашим родным авиационным мыслящим мировоззрением. К этому идеалу авиатор идет с верой, порождающей убежденность в истинность своей любви к полету. В этом состоит полноценная духовная жизнь – Человек Авиации гордится своим жизнеутверждающим мировоззрением, в котором закалилась жажда летной деятельности.

Я благодарен судьбе, что она подарила мне возможность учиться и работать с людьми, чьи имена названы в этой книге. Особенно летный состав – вечный свет в моей душе. Это люди, способные не только на высшую любовь к идеалу – Небу, но и на понимание своей принадлежности не только к земному. Естественно, такое понимание себя в круге авиации делает меня излишне пристрастным, но не отступающим от увиденной и сотворенной авиаторами правды. Все прочее, резко сказанное, – от бессилия, от горечи, от утрачивания иллюзий-надежд на человека по образу и подобию...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.